

П. Г. Рогозный

Конфликты вокруг икон во время Российской революции и Гражданской войны*

Иконами долгое время занимались в основном искусствоведы, реставраторы и филологи, анализируя многочисленные древнерусские сказания о чудотворных иконах¹. Относительно недавно стали появляться и работы, где рассказ об иконах представлен в историческом и даже в историко-антропологическом ключе и затрагивает синодальный период². В представленной работе предпринята попытка рассмотреть иконы как весомый фактор в идеологической и политической борьбе в период войн и революций.

Икона в русском обществе занимает особую нишу. В византийском государстве, а потом и в русском, иконы на протяжении всей истории играли большую роль и могли рассматриваться как символ «русской веры». Иностранцы, посещавшие «Московию», были удивлены тем отношением к иконе, которое было у местного населения. Казалось бы, в новейшей истории России иконы не играли такой роли, как в средневековье, но это не совсем правильное мнение. Представляется что на протяжении всего XX в. и особенно в годы революции и Гражданской войны иконы и борьба вокруг них играют значительную роль в общественной жизни.

Революция и свержение самодержавия вначале коснулись икон только опосредованно. В революционную эпоху обострились всяческие разборки

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

о принадлежности чудотворных и чтимых икон. (Порой споры о них длились несколько лет так, так, например, в 1917–1918 гг. местные жители одного села, в котором был крестный ход, не отдавали назад главную святыню Харькова икону Озерянской Божьей Матери на том основании, что в XVIII в. она была явлена в их деревне³.) Казалось, революция должна вернуть «законные права» простого народа.

Однако все изменилось после прихода к власти большевиков. Вскоре на Красной площади, на здании Городской думы на месте иконы повесили большой плакат с надписью: «Религия — опиум для народа». Тем самым новые власти символически показали, как и с чем они намерены бороться. Об этом плакате, повешенном на месте иконы, написали многие современники, попал он и на кинолентку⁴.

В январе 1918 г. новая власть выпустила декрет «Об отделении церкви от государства»⁵, который затрагивал фактически все население бывшей Российской империи. В самом декрете об иконах ничего не говорилось, но 28 августа 1918 г. Народный комиссариат юстиции выпустил постановление «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶. Постановление или инструкция, как она именовалась, более подробно объясняло механизм проведения декрета. В инструкции содержался пункт «О религиозных церемониях и обрядах», относительно которых говорилось, что «в государственных и в иных публично-правовых общественных помещениях безусловно не допускается совершение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.), помещение каких-либо религиозных изображений (икон, статуй религиозного характера и проч.)»⁷.

Собор и патриарх выступили с заявлением об отмене инструкции. В нем говорилось, что декретом Совета народных комиссаров от 23 января, «озаглавленном “О свободе совести”, русская Церковь поставлена в положение не фактически, но и юридически гонимой». И власть вместо создания комиссии с участием представителей всех вероисповеданий, о которой сама «положительно заверяла», издает инструкцию, в которой наносится смертельный удар по всем материальным возможностям развития внутренней и внешней деятельности Церкви. Этот документ служит «средством духовного угнетения и застрашивания православного народа». В заключение «полномочные представители русского народа» требовали отменить данную инструкцию и приостановить действие декрета «во всем его объеме»⁸. Но инструкцию не отменили и, согласно ей, иконы должны были быть вынесены из учебных заведений, с заводов и фабрик, больниц, вокзалов, школ и магазинов. Проведение этой меры часто вызывало большое негодование, особенно церковного общества.

Иконоборчество — именно так сами большевики называли свою политику в отношении икон⁹. Задумывалась она как антиклерикальная и рационалистическая. Проводили ее, несмотря на сопротивление некоторой части народа, и вначале она несла вызов народным представлениям о религии. Большевикам

казалось, что, победив народную религиозность, они тем самым одержат по крайней мере идеологическую победу над Церковью.

Вообще тема «Гражданская война и иконы» демонстрирует множество примеров, характерных именно для междоусобицы, например, таких как расстрел личных икон людей, занявших «неправильную» позицию в войне или грабеж икон, которых осуществляли не только красные, но и белые войска, и т. п. Большой резонанс в обществе имело так называемое чудо с иконой на Красной площади 1 мая 1918 г., когда красные транспаранты порвались и открыли икону¹⁰.

В одном из самых крупных крестьянских движений эпохи Гражданской войны, Западно-Сибирском восстании 1921 г., религия, как и в других движениях эпохи, играла третьестепенную роль. Как пишет современный исследователь, «повстанческая пропаганда не слишком “злоупотребляла” религиозной тематикой»¹¹. Местный чекист отмечал, что «как агитационным средством бандиты воспользовались также религиозностью населения... рассылая приказы о водворении святых икон в помещения сельских советов и всех других учреждений, снятии шапок не только в учреждениях, но и частных домах»¹².

В Тамбовской губернии в Моршанском уезде местный Совет в апреле 1919 г. вообще постановил иконы из школ не выносить, формулируя это так: иконы, как бы сейчас сказали, не нарушают религиозную толерантность, «в школе обучаются дети православных, и других вероучений... в волости нет»¹³. В данном случае обращает на себя внимание не только грамотное обоснование решения оставить иконы на месте, но и рука человека явно не крестьянского происхождения, писавшего данное послание властям.

Молодая сельская учительница Ираида Тихова начала делать записи в дневник в 1919 г. Она преподавала крестьянским детям в Угличском уезде Ярославской губернии. Если еще в начале 1919 г. учительница вместе с учениками читала молитву, то в конце 1920 г. ей заявили, что иконам нельзя висеть в классе. «Господи, Господи! Что это творится? Что совершается? Вчера было собрание и коллеги учителя заявили: “Нельзя в классе делать молитву, нельзя висеть иконе, нельзя учить Закону Божьему”. Что делать, как быть, прямо не знаю? Оставить ли заведенное по-прежнему или подчиниться?»¹⁴ А в Енисейской губернии местное партбюро возложило ответственность за «возмущение крестьян отсутствием в школах икон и преподавания Закона Божьего» на неумение местных властей «разъяснить религиозный вопрос»¹⁵.

По всей видимости, изъятие икон из школ затянулось и столкнулось с не предвиденными новыми властями ситуациями. Так, видный деятель комиссариата просвещения и старая большевичка Л. Р. Менжинская на заседании Петербургского¹⁶ комитета большевиков заявила, что введение светского образования в Петрограде было очень непростым. «Я должна сказать, что даже питерские рабочие и даже красный Выборгский район всеми силами противились этому постольку, поскольку это касалось родителей, дети которых обучались в школе. Несмотря на это, нам удалось добиться, чтобы из школ были

изъяты иконы»¹⁷. Переменами в школах были недовольны и некоторые педагоги, преподававшие на учительских курсах в Петрограде. В. В. Снегирев говорил историку С. Ф. Платонову, что большинство учителей «глубоко недовольны теперешним состоянием школы: раньше дети школу любили; были праздники, подарки, веселье; теперь ничего этого нет... в результате учителя требуют, чтобы в школах опять были образа, чтобы были восстановлены церковные праздники...»¹⁸ Тем, что из школ убрали иконы, недовольны были не только учителя, но и дети, они недоумевали, как теперь молиться. В своих записках Марцинковский рассказывает такой эпизод эпохи Гражданской войны: «В большом классе стояла в углу большая икона, и на ней был изображен Христос, благословляющий детей. Во время молитвы дети, по православному обычаю, поворачивались к ней. Однажды иконы в классе не оказалось (она была удалена в порядке изъятия из государственных учреждений всех предметов культа). Когда мы встали на молитву, некоторые из детей сказали: “Как же теперь молиться? Иконы нету...” Тут заговорила слепая учительница: “Дети, а как же мне быть? Ведь я слепая и никогда не вижу иконы. Значит мне и не молиться?” Дети задумались. “Бог — в душе”, — сказал тихо какой-то мальчик»¹⁹.

Некоторую статистику выноса икон из школ мы имеем благодаря материалам Особой комиссии, созданной при генерале Деникине «для расследования злодеяний большевиков» на Юге России. Так, комиссия, материалы которой относятся в основном к 1919 г., разослала по церковным приходам опросные листы, которые должны были заполнить члены церковного клира тех приходов, которые были «освобождены» от большевиков белогвардейцами. Сохранились и опубликованы 226 опросных листов по Донской епархии²⁰. Шестым и последним пунктом в них значится вопрос о выносе икон из школ. В 29 случаях прямо написано, что иконы из школы были удалены²¹. В остальных случаях в опросных листах или поставлен прочерк, или написано, что иконы их школ не выносились. В одном случае в документе указано, что иконы хотели удалить, «но побоялись населения и родителей учащихся»²², в другом написано, что самим местным учителем, «(он же бывший раньше пономарем)», были сняты со стены картины ветхо- и новозаветной истории и «взамен им» повешены картины «штатской истории»²³. Следует указать, что в некоторых местах власть переходила из рук в руки по несколько раз, и часто на иконы в школах у красноармейцев просто не хватало времени.

Где-то иконы в школах сохранялись не только благодаря сопротивлению крестьянства, но и по распоряжению местных властей. Так, например, было с Среднем Поволжье в 1919 г. Коммунисты Буинской организации на общем собрании партийных работников решили «иконы в школе оставить» и объяснили свое решение: «...так как крестьянство еще темное и в высшей степени религиозно, почему могут быть на советскую власть нехорошие мнения со стороны крестьян»²⁴. Иконы в этой местности не спешили снимать. Посетившая в 1922 г. одну из школ-коммун инструктор женотдела Чувашского обкома

партии А. Ф. Ванеркке писала, что во всех кабинетах, во всех комнатах висят иконы, «и мне уже начало касаться, что я не в школе-коммуне им. III Интернационала, а в каком-то духовном училище»²⁵. Об удалении икон из школ также говорится в знаменитом обращении патриарха Тихона к большевикам по поводу первой годовщины Октябрьской революции²⁶. Еще некоторое время после того, как иконы были сняты, некоторые ученики «демонстративно» крестились на то место, где икона висела²⁷. В знаменитом обращении патриарха большевикам в честь первой годовщины Октябрьской революции также говорится об удалении священных изображений из школ²⁸.

Следует отметить, что большевики довольно быстро учились на своих ошибках, особенно в условиях Гражданской войны. Так член ВЦИКа Смилдович отчитывал местных большевиков: «Часто в уезде коммунисты входят в школу и начинают сами снимать с руганью иконы, так нельзя, пусть сами крестьяне снимут, а так вы ничего не добьетесь. Или входят в шапке и с папироской в зубах в церковь во время службы и требуют попа. В Сенгилеевском уезде мы за все такие выходки многих судили и, надо сказать, судили сурово»²⁹. В некоторых деревнях предприимчивые крестьяне, называющие себя большевиками, брали взятки, чтобы иконы не убирать из общественных мест³⁰.

Описывая крестный ход в Угличе в 1920 г., Ираида Тихова в своем дневнике пишет, что после самого крестного хода «Божья Матерь пошла посещать со Своими угодниками дома (так. — П. Р.) верующих»³¹. Это случай, известный историкам фольклора и народной религиозности, назовем его словом «подмена» — когда персонаж иконы и ее название настолько отождествляются, что перестают различаться³². Крестные ходы с иконами собирали громадное количество участников. Иногда народу было так много, что могли возникнуть всяческие эксцессы. Власти как могли старались регулировать такое скопление народа. Иногда для сопровождения иконы выдавался специальный «билет»³³. Посещение иконы исследовательница Вера Шевцова рассматривает как своего рода «паломничество наоборот», когда сам предмет почитания несли к верующим³⁴.

Случаи кощунства над иконами церковные власти тщательно фиксировали. Особенно такие случаи участились в период Гражданской войны. А в одной из станиц Донской области свидетель рассказывал, что дома «большевики сняли лампаду, испражнились в нее и повесили вновь перед иконами»³⁵. Причем иногда, согласно материалам Особой комиссии, расследовавшей «злодеяния большевиков», за кощунством по отношению к иконе тут же, как в классическом средневековом сказании, следовала расплата. Так, одна из прихожанок Александро-Невской церкви слободы Новонадеждовки Марина Васильченко показала, что, когда один «из коммунистов стал смеяться над иконой святителя Николая и мазать его лик соленым огурцом, то он тут же был наказан: впал в беспамятство и в страшных судорогах отвезен в больницу»³⁶.

Вообще слухи о комиссарах и просто красноармейцах, расстреливающих иконы, были широко распространены. Как правило, в легендах об этом следу-

ет незамедлительная кара поднявшего руку на икону или оскорбившего веру³⁷. Один из таких случаев, по сообщению газет, произошел в Старой Руссе, когда икона Спаса Нерукотворного «старого письма, величиной около аршина», висевшая на «крыльце часовни», упала на голову агитатору во время произнесения им антирелигиозной проповеди. Причем, как говорили очевидцы, образ сорвался и проломил голову агитатору, который «через несколько часов умер»³⁸. Писали и про случай в Москве, когда «кощунник» выкинул из окна образ Николая Чудотворца. В этот же день «кощунник» узнал, что его малолетняя дочь «упала из окна его квартиры» и разбилась³⁹.

«Обновление» икон — еще один феномен, который гораздо чаще встречается именно в период войн и революций. Так, например, в некоторых южных губерниях было запрещено говорить об «обновлении икон»⁴⁰, это приравнивалось к контрреволюции⁴¹. «Обновление» икон приняло массовый характер и в других губерниях. Так, в Тамбовской губернии представитель укома Степанов отчитывался перед властями, что 12 апреля 1922 г. лично видел «обновленную икону Иисуса... гражданин, у которого обновилась икона... уверял, что икона обновилась сама, население этому охотно верит, ходит толпами смотреть». Причем икона покрылась слоем золота, а до этого, «говорят, была облезлой»⁴².

На Юго-Востоке России обновление икон приняло «угрожающе» массовый характер в 1920–1921 гг. Так, например, в Воронеже по обвинению в обновлении икон под судом находились 32 человека⁴³. В Царицынской губернии тогда же создали специальную комиссию для расследования фактов обновления икон. В эту комиссию вошли местный чекист, журналист, художник, химик и два представителя царицынского духовенства, протоиерей Ильинский и священник Благовидов. Комиссия обследовала обновленные иконы и пришла к заключению, что они «будто бы» обработаны какими-то «химическими веществами». В докладе комиссии сообщалось что духовенство на местах «склонно верить» в чудодейственное обновление икон, однако местные власти видели в этом обновлении антисоветскую пропаганду⁴⁴. Сходную комиссию из местных музейных работников создали и в ноябре 1925 г. в Ленинграде, чтобы обследовать массовое обновление икон в Лужском уезде. Было обследовано 15 обновленных икон, из них только 3 «писанные», но все 15 находились под стеклом. В заключение комиссия констатировала, что обновление «икон не коснулось, а ограничилось только поверхностью стекла»⁴⁵.

Особый разговор — это открытие древнерусской живописи, по времени оно совпало с революционными событиями. Реставраторы расчищали древнерусские иконы от многолетних записей и подновлений. Кроме того, живопись иконы часто была не видна из-за оклада. Некоторые ценители старинной церковной искусства, вроде князя Е. Н. Трубецкого, называли оклад произведением «благочестивого безвкусыя». «Заковывать икону в ризу» значит «отрицать» ее живопись, заниматься «бессознательным иконоборчеством»⁴⁶. Патриарх Тихон своей грамотой благословил реставраторов⁴⁷.

Когда основные бои Гражданской войны закончились, некоторым — даже в Советской России — казалось, что война мало изменила русский народ и, в частности, его любовь к иконам. Корней Чуковский в 1922 г. в своем известном письме писал Алексею Толстому, проживающему тогда в эмиграции, про русскую народ, что в него «хоть из пушек пали, а он будет возить навоз, любить землю, помнить зимних и вешних Никол, и ни своих икон, ни своих тараканов никому не отдаст»⁴⁸. Данное письмо было опубликовано как в эмиграции, так и в Советской России. Троцкий в свойственной ему манере глумился над автором письма, опубликовав в «Правде» статью с говорящим названием «Мужиковствующие», которая впоследствии вошла в его книгу «Литература и революция». «Таракан как изюминка национального духа! — писал Троцкий. — Какая эта в действительности поганенькая национальная приниженность и какое презрение к живому народу! Добро бы сам Чуковский верил в иконы. Но нет, ибо не брал бы их, если б верил, за одну скобку с тараканами, хотя в деревенской избе таракан и впрямь охотно прячется за иконой»⁴⁹. Троцкий писал, что «по существу революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со Святой Русью, с иконами и тараканами...»⁵⁰ Но многие из интеллигенции продолжали верить, что народ свои иконы защитит.

Каково же было разочарование некоторых церковных деятелей и просто узкой прослойки образованных людей, когда население, иногда с кажущимся удовольствием, стало эти иконы сжигать. Когда большевики начали новую атеистическую кампанию, молодежь была к ней готова и не попавшие в музей иконы запылали по всей стране. Постепенно антиклерикальную пропаганду заменяла атеистическая. Причем когда в 1920-х гг. после окончания Гражданской войны в некоторых сельских местах проводилось показательное сжигание икон, крестьяне туда приходили добровольно и вокруг костра из икон устраивали хоровод⁵¹. Эмигрант, бывший киевлянин Д. В. Скрынченко помещал в свой дневник отрывки из писем своего друга А. В. Стороженко. Тот описывал, очевидно на основе газет, как в Киеве крестьяне сжигают иконы: «...в заключение организованного шествия на костре близ Софийского собора должны были сжигать святые иконы, собранные в Киеве и окрестных деревнях. Года два тому назад многие в эмиграции мечтали о том, что крестьянство отстоит Россию». Поместив письма своего друга в дневник, Скрынченко приписал: «Грустно, то скливо, точно отдает погребальным звоном это письмо...»⁵²

Большевики не придумали ничего нового — в крестьянской среде было распространено ситуативное иконоборчество⁵³. Касясь иконоборчества, следует сказать о народном отношении к иконе, которая не помогла в критической ситуации. Например, икону, не помогающую спасти дом при пожаре, могли бросить в огонь, или повесить иконы на дерево и выговаривать им, что они не помогли в беде⁵⁴.

Мщение иконе — не выдумка атеистов, хотя они активно ее использовали. Некоторые исследователи видят как раз в этой мести предмет чрезмерной веры

в изображение, когда икону уничтожали, если она не помогала в жизненной ситуации⁵⁵. Впоследствии таковые эпизоды даже попадали в художественные фильмы. Такой пример ситуативного иконоборчества хорошо продемонстрирован в глухонемом фильме Александра Довженко «Земля» (1930). Там невеста убитого местными кулаками комсомольца после известия о его смерти начинает расправляться с иконами, висящими у нее в избе. Вначале она лупит по висящим иконам, затем некоторые из них начинает швыряет на пол. Пикантность данной сцены была в том, что делает это она полностью обнаженной⁵⁶. Фильм вначале показывали в кинотеатрах, однако впоследствии показ приостановили ввиду наличия там «порнографических и иных» сюжетов⁵⁷.

Очень скоро висевшие повсюду портреты вождей начали сравнивать или соотносить с иконами⁵⁸. Хорошо известная замена икон на портреты вождей началась сразу после того, как начали снимать иконы. Знакомый В. И. Ленина В. Крестовников⁵⁹ писал ему в 1919 г., что в Москве, в Звенигородском монастыре, над воротами висела икона. «Теперь же на этом самом месте, над входом в бывший монастырь, в киоте на месте иконы, к которой обращались с благоговением, в киоте, обложенном алой материей, вставлено Ваше изображение, а над ним красный флаг». Сам Крестовников считал, что, если это «задумано с агитационной целью, то оно получило обратное значение <...> Я глубоко уверен, что Вы, уважаемый Владимир Ильич, сами отвернетесь и запротестуете, если Вас поставят на место “Бога” в буквальном смысле. Я не допускаю и мысли, чтобы Вы (Ваш портрет) согласились фигурировать как икона»⁶⁰. Также в Москве, согласно записи в дневнике Михайловского, в «Скорбящей общине вместо иконы Божьей Матери повесили портрет Ленина»⁶¹.

Случай замены икон на портреты вождей уже тогда был частым, причем настолько, что во Владимире в 1920 г. откровенно написали, что бюсты Ленина и Маркса им нужны, чтобы заменить иконы в общественном месте⁶². А в Челябинской губернии в 1920 г., очевидно, когда иконы из школы уже изъяли, одна из учительниц принесла в школу икону Серафима Саровского и повесила ее в красном углу, заявив при этом, что образ на иконе очень похож на Карла Маркса. Эта история в качестве курьеза была описана в местной прессе⁶³. Известный коллекционер, публицист, поэт, генерал в отставке Александр Владимирович Жиркевич, проживавший в годы Гражданской войны в Симбирске, в своем дневнике описывает заседание по поводу организации Чувашского народного института, которое проходило в одной из школ города. По его словам, в закрытой школьной церкви во «впадины» иконостаса вместо икон хотели поместить портреты Ленина, Троцкого и Луначарского. «Я прямо назвал такой проект порчи иконостаса “варварским”, — записал в дневник Жиркевич. — Тут выступил молодой чуваш, член комиссии, заявив, что для портретов Ленина и других советских деятелей найдется более почетное место в музее, чем иконостас. В конце концов занесли в журнал, что иконостас как работа мастерских школы должен быть сохранен в нынешнем виде»⁶⁴. Впоследствии замена икон

на портреты вождей в прессе вызывала радость, так, в 1924 г., автор статьи с говорящим названием «Устои рушатся» в одной провинциальной газете писал, что там «где стояли иконы, висит портрет Ленина»⁶⁵.

Говоря о портретах вождей вместо икон, заметим, что, конечно, их могли вешать принудительно, однако, как пишет современный исследователь, «государственная пропаганда работала настолько результативно, что их вешали и добровольно»⁶⁶.

Можно констатировать, что, пока население страны оставалось в значительной степени верующим, иконы играли большую роль в идеологической или даже политической борьбе в период революции и войн в России. Однако пришедшие к власти большевики объявили войну всему народному православию и иконам в том числе. Вместе с насильственным удалением икон из общественных мест большевики разъясняли, что снятие икон не есть преследование религии. Однако постепенно отношение к иконам меняется. Даже не имеющую художественной ценности икону часто ждала насмешка, а не агрессия. В антирелигиозной пропаганде постепенно отношение к иконам заменилось на снисходительное, рассматривавшее икону как часть народного творчества. «Древнерусский художник, лишенный возможности создавать произведения светского содержания, только в иконах и фресках мог воплотить надежду и чаяние своего народа»⁶⁷, — написано в книге про иконопись.

Мода на иконы распространилась после повести В. А. Солоухина «Черные доски» (1968), где в увлекательной манере описано, как автор стал коллекционировать иконы. Сыграли свою роль в этой моде и ряд многочисленных искусствоведческих трудов по иконописи, выходявших в это время. Громадной популярностью пользовалась иконопись и среди западных интеллектуалов. Они, казалось, в упор не замечают русского искусства, кроме иконописи и русского авангарда. И если авангардистские художники были полузапретными в СССР, то творчество древнерусских иконописцев всячески популяризировалось. Мода на иконы затронула и часть интеллигенции, в квартирах которых иконы заняли место украшения. Таким образом, икона, раньше являвшаяся показателем веры, превращалась в элемент культуры, иногда полностью секулярной.

¹ Среди такого рода литературы хочется отметить работу В. Брюсовой, бывшей и искусствоведом и реставратором: *Брюсова В. Г.* Русская живопись 17 века. М., 1984. Среди филологических работ: *Власов А. Н.* Сказание и повести о местнотимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII веков. СПб., 2011.

² *Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995; *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700–1740. М., 2000; *Зеленина Я. Э.* От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII — начала XX века. М., 2009; *Буссева-Давыдова И. Л.* Русская иконопись от оружейной палаты до модерна: в поисках сакрального образа. М., 2021.

- ³ РГИА. Ф. 731. Оп. 1. Д. 78 (О чудотворных иконах Божией Матери). Л. 3–4.
- ⁴ Мендельсон Н. М. Запись 6 ноября 1918 г. // Мендельсон Н. М. Дневник (Избранное. Февраль 1917 – апрель 1928 г.). URL: [Фioletов Н. Н.]. Большевики и церковь (лекция профессора Н. Н. Фиолетова) // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 6. С. 101. Вообще Фиолетов был одним из немногих, кто первым обратил внимание на законодательный вынос икон «не только из учреждений, но и общественных мест: контор, пристаней, базаров» (Там же). См.: «Во время революционных празднеств со здания Городской думы сняли икону и заменили ее плакатом с надписью “Религия — опиум для народа”». Михайловский В. Россия на краю... Из дневников 1917–1920 гг. // Москва: Журнал русской культуры. 1993. № 2. С. 165. (Запись 27 ноября 1918 г.).
- ⁵ В первой публикации декрет назывался «О свободе совести», но уже во второй публикации он принял известное всем название «Об отделении церкви от государства», таким образом один и тот же декрет имел два разных названия, что рождало и продолжает рождать большую путаницу.
- ⁶ Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г. // Культура в нормативных актах Советской власти 1917–1922. М., 2009. С. 197–199.
- ⁷ Там же. С. 200.
- ⁸ РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 69 (С заявлением патриарха Тихона и Священного Собора об отмене инструкции...). Л. 4 – 9 об.
- ⁹ См.: Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). 1922–1929. М., 2014. С. 47. Термин «иконоборчество» тоже звучал – так Антоний (Храповицкий) сравнивал политику большевиков с «иконоборческими царями». Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды, письма, материала. М., 2007. С. 637. Термин «иконоборчество» также используется более широко и может означать борьбу с символами вообще. См.: Фюрекс Э. Оскорбленный взгляд. Политическое иконоборчество после Французской революции. М., 2022.
- ¹⁰ Подробнее см.: Рогозный П. Г. Гражданская война и иконы // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний 1917–1922: Материалы международного colloquium / Ред. Н. В. Михайлов, М. Стейнберг. СПб., 2020. С. 193–207.
- ¹¹ Цысь В. В. Духовенство Русской Православной Церкви и Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года // Вестник ПСТГУ. Сер. История Русской Православной Церкви. 2018. № 85. С. 92.
- ¹² Цит. по: Цысь В. В. Духовенство... С. 93.
- ¹³ Аленов А. Н. Власть и церковь. Тамбовская епархия в 1917–1927 гг. Тамбов, 2005. С. 22.
- ¹⁴ Дневник сельской учительницы Ираиды Тиховой за 1919–1925 годы // «Другой жизни я не желаю...» Исповедница Угличская Ираида Тихова, подвиг длиною в жизнь. Рыбинск, 2017. С. 113. (Запись от 16 ноября 1920 г.).
- ¹⁵ Об отношении населения Минусинского уезда к ликвидационным мероприятиям советской власти. Из информационных сводок Минусинского уездного отдела РКП(б). 21 марта 1920 г. // Религия и общество в приенисейской Сибири в 1920–1930-е годы: Сборник архивных документов и материалов. Красноярск, 2011. С. 209.
- ¹⁶ Комитет партии большевиков назывался именно Петербургским. Переименование города большевики посчитали шовинистическим.
- ¹⁷ Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2023. С. 384.
- ¹⁸ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 403. (Запись от 22 февраля / 7 марта 1919 г.).
- ¹⁹ Марциновский В. Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923). Новосибирск, 1994. С. 72.
- ²⁰ Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии: Сборник документов под ред. Ю. А. Бирюковой, священника Е. А. Агеева. Волгоград, 2022. С. 22.
- ²¹ Подсчитано мною.

- ²² Церковь на Дону в годы Гражданской войны... С. 149.
- ²³ Там же. С. 196.
- ²⁴ Цит. по: *Козлов Ф. Н.* Отделение школы от церкви в Чувашском крае: итоги и последствия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9. История. Вып. 44. С. 47.
- ²⁵ Там же. С. 48.
- ²⁶ «Выбрасываются из школ священные изображения...» Обращение Святейшего Патриарха Тихона к Совету Народных Комиссаров в связи в первой годовщине Октябрьской революции // Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 151.
- ²⁷ *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление нового человека. СПб., 2003. С. 145. Вообще вынос икон из школ можно было рассматривать как оскорбление чувств верующих, об этом на VIII съезде РКП(б) говорил один из самых яростных атеистов П. А. Красиков (Доклад П. А. Красикова // Конфессиональная политика Советского государства 1917–1924. М., 2018. Т. 1. Кн. 1. С. 127).
- ²⁸ «Выбрасываются из школ священные изображения...» Обращение Святейшего Патриарха Тихона к Совету Народных Комиссаров в связи в первой годовщине Октябрьской революции // Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 151.
- ²⁹ Протокол заседания Сызранского уездного комитета РКП(б) с докладом члена Президиума ВЦИКП Г. Смиловича о крестьянских волнениях. 15–22 апреля 1918 г. // Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М., 2002. С. 227.
- ³⁰ Подробнее см.: *Рогозный П. Г.* Гражданская война и иконы... С. 199.
- ³¹ Запись от 27 апреля 1920 г. // Дневник сельской учительницы... С. 100–101. «Спеваемся к празднику и готовимся к встрече дорогой гостьи Покрова Божьей Матери с Преподобным Паисием. Святые иконы принесут к литургии 8 сентября» (Запись от 27 апреля 1920 г. // Дневник сельской учительницы... С. 125). «Богородичные иконы — это не просто изображения Богоматери в своеобразных ее воплощениях аватры (говоря современным языком). Книжный и просвещенный ревнитель истинного благочестия видит в молитве перед иконой обращение к Богородице, основная же масса населения обращается к самой иконе» (Там же. Запись от 29 октября 1921 г.); *Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности. XI–XIII вв. СПб., 2017. С. 445. Автор считает подобную форму народного православия характерной чертой русской религиозности. Вообще эта форма почитания изображений характерна и для других стран.
- ³² *Мороз А. Б.* Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М., 2016. С. 114.
- ³³ *Цеханская К. В.* Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 246.
- ³⁴ *Шевцова В.* Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 303.
- ³⁵ Церковь на Дону в годы Гражданской войны... С. 167.
- ³⁶ Там же. С. 281.
- ³⁷ Сюжет, когда икону «расстреливают», а расстреливающий — язычник или «магометанин», присутствует (естественно, оружием в нем являются стрелы) в древнерусской живописи, но, надо сказать, этот сюжет довольно редкий (*Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев». Тема почитания икон в искусстве средневековой Руси. М., 2007. С. 220).
- ³⁸ Чудеса в наши дни // Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–20. С. 294.
- ³⁹ *Дружинин И. А., прот.* Бог поругаем не бывает. Чудесные вразумления кощунников и хулителей Святой веры // Известия по Казанской епархии. 1918. № 9–10. С. 220.
- ⁴⁰ В глазах православного населения чудо, когда икона начинает сама по себе блестеть красками, как будто только написана.
- ⁴¹ Религиозные организации Волга и Дона в XX веке. Волгоград, 1998. С. 57.
- ⁴² *Аленов А. Н.* Власть и церковь... С. 102.
- ⁴³ Очерки по истории волгоградской епархии Русской Православной Церкви. Волгоград, 2003. С. 178–179. Большинство епархиальных историй носят юбилейно-представитель-

- ский характер и научного значения не имеют, рассматривая же книга местами носит исследовательский характер.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Петров С. Г.* Массовое обновление икон на Северо-Западе России в документах ленинградского отделения Главнауки (1924) // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2015. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1506.html> Вообще в советское время обновление икон часто объясняли обманом, который, конечно, тоже имел место, однако, как справедливо пишут современные исследователи, «важно отметить, что выявленная массовость и цикличность обновлений икон свидетельствует о том, что этот феномен не может быть полностью объяснен простыми рациональными причинами (обман, ошибочные трактовки и/или редкие природные явления)» (*Бутов И. С., Томин Н. В.* Обновления икон на историческом фоне // *Религиоведение*. 2018. № 3. С. 29).
- ⁴⁶ *Трубецкой Е. Н.*, кн. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 40.
- ⁴⁷ *Кызласова И. Л.* О благоговении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи // *Вестник ПСТГУ*. Сер. 2. История. 2006. Вып. 2 (19). С. 27–33.
- ⁴⁸ *Чуковский К. И.* Соб. соч. М., 2013. Т. 14. Письма 1903–1925. С. 502.
- ⁴⁹ *Троцкий Л. Д.* Литература и революция (1923). М., 1991. С. 80.
- ⁵⁰ Там же. С. 81.
- ⁵¹ *Капков К. Г.* Тьма. Трагедия. Террор. История разорения Николо-Солбинского монастыря и судьбы 8 его обитателей. 1918–1938. М., 2020. С. 100. Описанный случай хорова вода вокруг костра в момент сжигания икон происходил в селе Нагорье Ярославской губернии.
- ⁵² *Скрынченко Д. В.* Запись от 9–10 июля 1931 г. // *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. М., 2012. С. 207.
- ⁵³ Византийское иконоборчество, видимо, позднее называли «ересью иконозжигательства» (*Лепехин В. В.* «Золотой век» сказаний о чудотворных иконах. М., 2008. Приложение 1. О сжигании икон в русской традиции. С. 254). Автор утверждает, что иконы до большевиков на Руси не сжигали.
- ⁵⁴ *Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие... С. 76.
- ⁵⁵ *Иванов С. А.* «Адописные иконы» в контексте позднесредневековой русской культуры // *Иванов С. А.* Византийская культура и агиография. М., 2020. С. 481.
- ⁵⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u1QbXeZEnPc> (сцена иконоборчества см. на 1:18).
- ⁵⁷ *Земля (1930)*. URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- ⁵⁸ «Если бы советское государство субсидировало церковь, то она рядом с иконами поместила бы портреты вождей» (*Ивнев Р.* Запись 1 мая 1923 г. // *Ивнев Р.* Дневник. 1906–1980. М., 2021. С. 423).
- ⁵⁹ Письмо Крестовников подписывал как знакомый Ленина: «с товарищеским приветом Ваш...» О себе он сообщал, что с 1905 г. «совершенно неверующий».
- ⁶⁰ Письмо В. Крестовникова В. И. Ленину 3 октября 1919 г. // «...В киоте, обложенном алой материей, вставлено Ваше изображение...»: (воплощение в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства) // *Отечественные архивы*. 1993. № 2. С. 61–62.
- ⁶¹ *Михайловский В.* Россия на краю... Из дневников 1917–1920 гг. // Москва: Журнал русской культуры. 1993. № 2. С. 174. (Запись 27 ноября 1918 г.).
- ⁶² *Калюжная О. В.* Антирелигиозная политика в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии (По материалам периодической печати). Владимир – Нижний Новгород, 2020. С. 68.
- ⁶³ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 411.
- ⁶⁴ *Жиркевич А. В.* Запись 3 июня 1920 г. // *Жиркевич А. В.* Дневник. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221919-01-01%22&diaries=%5B30%5D>
- ⁶⁵ *Калюжная О. В.* Антирелигиозная политика... С. 67.
- ⁶⁶ *Мороз А. Б.* Красный угол без иконы // *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве*. М., 2013. С. 118.
- ⁶⁷ Ростово-Суздальская живопись XII–XVI веков. М., 1970. С. [27]. Без пагинации.

References

- ALENOV A. N. *Vlast' i cerkov'. Tambovskaya eparxiya v 1917–1927 gg.* [The government and the Church. Tambov Diocese in 1917–1927]. Tambov, 2005.
- SEKHANSKAYA K. V. *Ikona v zhizni russkogo naroda* [An icon in the life of the Russian people]. Moscow, 1998.
- Cerkov' na Donu v gody Grazhdanskoj vojny 1918–1919 gg. Rassledovaniya Osoboj komissii.* [The Church on the Don during the Civil War of 1918–1919. Investigations by a Special Commission]. Sbornik dokumentov pod redakciej Yu. A. Biryukovoj, svyashhennika E. A. Ageeva. Volgograd, 2022.
- “*Drugoj zhizni ya ne zhelayu...*” *Ispovednicza Uglichskaya Iraida Tixova, podvig dlinnoyu v zhizn'.* [I do not wish for another life...] Confessor Iraida Tikhova of Uglich, a life-long feat]. Rybinsk, 2017.
- KALYUZHNAYA O. V. *Antireligioznaya politika v 1918–1925 gg. vo Vladimirskoj gubernii (Po materialam periodicheskoj pečati)* [Anti-religious policy in 1918–1925 in the Vladimir province (Based on the materials of the periodical press)]. Vladimir — Nizhnij Novgorod, 2020.
- KAPKOV K. G. *T'ma. Tragediya. Terror. Istoriya razoreniya Nikolo-Solbinskogo monastyrya i sud'by 8 ego obitatelej. 1918–1938* [Dark. Tragedy. Terror. The story of the ruin of the Nikolo-Solbinsky monastery and the fate of 8 of its inhabitants. 1918–1938]. Moscow, 2020.
- MOROZ A. B. *Narodnaya agiografiya. Ustnye i knizhnye osnovy fol'klornogo kul'ta svyatykh* [Folk hagiography. Oral and book bases of the folklore cult of saints]. Moscow, 2016.
- Peterburgskij komitet RKP(b) v 1919 godu. Protokoly i materialy zasedanij* [The St. Petersburg Committee of the Russian Communist Party (b) in 1919. Minutes and materials of the meetings]. Saint Petersburg, 2023.
- ROGOZNYJ P. G. *Grazhdanskaya vojna i ikony // Grazhdanskaya vojna v Rossii. Zhizn' v epokhu social'nykh eksperimentov i voennykh ispytanij 1917–1922. Materialy` mezhdunarodnogo kollokviuma / Red. N. V. Mikhajlov, M. Stejnberg* [Civil War and icons // Civil War in Russia. Life in the Era of Social Experiments and Military Trials 1917–1922: Proceedings of the International Colloquium]. Saint Petersburg, 2020.
- TARASOV O. Yu. *Ikona i blagochestie. Oчерki ikonnogo dela v imperatorskoj Rossii* [Icon and piety. Essays on Icon Art in Imperial Russia]. Moscow, 1995.
- SHEVCZOVA V. *Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. Saint Petersburg, 2010.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. Г. Рогозный. Конфликты вокруг икон во время Российской революции и Гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 1. С. 50–63

Аннотация: Иконы занимают особое место в жизни русского народа. Мнение, что они перестали играть общественно-политическую роль в новейшее время, представляется неточным. Придя к власти, большевики законодательно разработали постановление об удалении икон из всех общественных мест. Однако удаление икон натолкнулось на сопротивление этой акции части народа. Все это рождало многочисленные конфликты вокруг икон. Сами большевики свою политику удаления икон из общественных мест назвали иконоборчеством. С византийским иконоборчеством сравнивали политику новой власти их противники. Сразу после удаления религиозных изображений их места заняли портреты вождей революции.

Ключевые слова: иконоборчество, удаление икон, народное православие, большевики, Православная Церковь.

FOR CITATION

P. G. Rogozny. Conflicts over icons during the Russian Revolution and the Civil War // Petersburg historical journal, no. 1, 2024, pp. 50–63

Abstract: Icons occupy a special place in the life of the Russian people. The opinion that they have ceased to play a socio-political role in recent times seems inaccurate. Having come to power, *bolsheviks* legislatively developed a resolution on the removal of icons from all public places. However, the removal of icons encountered resistance to this action by a part of the people. All this gave rise to numerous conflicts around icons. The Bolsheviks themselves called their policy of removing icons from public places “iconoclasm”. Their opponents compared the policy of the new government with Byzantine iconoclasm. Immediately after the removal of religious images, portraits of the leaders of the revolution took their places.

Key words: iconoclasm, removal of icons, folk Orthodoxy, Bolsheviks, Orthodox Church.

Автор: **Рогозный Павел Геннадьевич** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Pavel Gennadievich Rogozny** — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: rorozny@yandex.ru